

ПЕРЕПИСКА

Василий Кандинский —
Арнольд Шёнберг

составитель
Елена Халь-Фонтэн

перевод
Александр Ярин

Васи́лий Васи́льевич Канди́нский
Арнольд Шёнберг
Елена Халь-Фонтэн
Переписка 1911–1936

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295565

*Переписка 1911–1936:
ISBN 978-5-904099-34-3*

Аннотация

В настоящем издании впервые на русском языке публикуется вся известная на сегодняшний день переписка выдающихся художников XX столетия, Василия Кандинского и Арнольда Шёнберга (67 писем). На немецком языке переписка вышла под редакцией Елены Халь-Фонтэн (Халь-Кох): Arnold Schönberg – Wassily Kandinsky: Briefe, Bilder und Dokumente einer außergewöhnlichen Begegnung / Hrsg. J. Hahl-Koch. Salzburg; Wien: Residenz Verlag, 1980. Для русской публикации расширен научный аппарат, обновлена библиография, добавлены малоизвестные документальные фотографии, составлена хроника основных событий двух художников.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

От составителя	5
От издательства	12
1911	13
1. Кандинский – Шёнбергу	15
2. Шёнберг – Кандинскому	20
3. Кандинский – Шёнбергу	29
4. Кандинский – Шёнбергу	35
5. Кандинский – Шёнбергу	38
6. Кандинский – Шёнбергу	42
7. Шёнберг – Кандинскому	44
8. Кандинский – Шёнбергу	49
9. Кандинский – Шёнбергу	52
10. Шёнберг – Кандинскому	53
11. Шёнберг – Кандинскому	54
12. Кандинский – Шёнбергу	56
13. Кандинский – Шёнбергу	58
14. Супруги Макке, М. Марк, Г. Мюнтер и Кандинский – Шёнбергу	59
15. Мюнтер – Шёнбергу	60
16. Кандинский – Шёнбергу	63
17. Шёнберг – Кандинскому	65
18. Кандинский – Шёнбергу	68
19. Кандинский, Ф. Марк и Г. Мюнтер –	72

Шёнбергу	
20. Шёнберг – Кандинскому	74
21. Кандинский – Шёнбергу	80
22. Кандинский – Шёнбергу	81
23. Кандинский – Шёнбергу	84
1912	85
24. Шёнберг – Кандинскому	85
25. Кандинский – Шёнбергу	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кандинский Василий, Шёнберг Арнольд Переписка 1911–1936

От составителя

(Предисловие к русскому изданию)

Если задаться вопросом, кто из больших художников определил пути развития изобразительного искусства и музыки в направлении модерна, то ответ, пожалуй, найдётся в эпистолярии Василия Кандинского (1866–1944) и Арнольда Шёнберга (1874–1951).

До знакомства с Шёнбергом все связи Кандинского с музыкальным миром исчерпывались знакомством с русскими композиторами. С 1908-го по 1910 год он работал над сценической композицией «Жёлтый звук» вместе с Фомой Гартманом. «Томик» был единственным другом Кандинского, с которым он был на «ты». На протяжении всей его жизни в круг их тесного общения входила и жена Гартмана певица Ольга. В процессе перевода на русский язык своей работы «О духовном в искусстве», изначально написанной на немецком, он познакомился с композитором и музыкальным тео-

ретином Болеславом Яворским, которого высоко ценил. Для сборника «Синий всадник» он просил прислать какой-нибудь материал Скрябина, но ему удалось лишь получить статью скрябинского друга и биографа Леонида Сабанеева. Кандинский также перевёл и опубликовал в «Синем всаднике» несколько фрагментов из статьи своего петербургского друга Николая Кульбина «Свободная музыка» (1910). Кульбин зачитал вслух «О духовном в искусстве» Кандинского на Всероссийском съезде художников в Петрограде (декабрь 1911-го – январь 1912-го) и в 1912 году по инициативе Кандинского пригласил Шёнберга в качестве дирижера.

Временной промежуток, в котором произошли решительные перемены, задаётся 1911-м и 1914 годами. Начало 1911 года отмечено для Кандинского первым знакомством с музыкой Шёнберга. Вместе со своей подругой Габриэле Мюнтер, художниками Францем Марком и другими, вошедшими в «Новое художественное общество. Мюнхен», он слушает Струнный квартет, ор. 10 (1907–1908), уже обнаруживающий постепенное движение к атональности, и Три пьесы для фортепьяно, ор. 11 (1909), из которых третья с её резкими диссонансами, аккордом из восьми нот и неожиданными переборами всех родов явилась особо серьёзным испытанием для тогдашних слушателей. Реакция Франца Марка на этот концерт была выражена в одном из его писем: «Можешь ли ты представить себе музыку, в которой тональность (т. е. соблюдение тональных правил) была бы абсолютно упразднё-

на? Не могу не вспомнить больших композиций Кандинского, который не оставляет и следа от тонального принципа, ... или его “прыгающих пятен”, когда слушаю эту музыку, которая каждому звуку отводит отдельное место (это похоже на цветные пятна, разделенные участками *белого холста!*)»¹.

Высочайший интерес Кандинского к музыке значительно превосходил его музыкальное образование, и, хотя с детства его учили игре на фортепиано и виолончели, теоретических знаний он не приобрёл. Как бы то ни было, концерт Шёнберга оказал на него весьма сильное воздействие: почти сразу он создаёт «Впечатление III. Концерт» (Городская галерея в доме Ленбаха, Мюнхен) и – редкий для него случай! – по своей инициативе завязывает новое знакомство, написав Шёнбергу письмо, исполненное надежд на совместное продвижение к новой свободе творческого поиска. Кандинский, очевидно, распознал в Шёнберге такого же великого новатора, каким был он сам, и, наверно, впервые в жизни почувствовал, что он не одинок. Вскоре он напишет: «Его [Шёнберга] музыка вводит нас в новую область, где музыкальные переживания не ограничиваются ценностью акустической, но обладают и чисто духовными. Тут – начало “музыки будущего”»².

Шёнберг в это время тоже переживал творческий кризис,

---

¹ Из письма Августу Макке от 14.1.1911 – см. : *Macke A. / Marc F. Briefwechsel / Ed. W. Macke. Köln, 1964. S. 40.*

² Кандинский В. О духовном в искусстве // Кандинский В. Избранные труды по теории искусства: В 2 т. / Под ред. Н.Б. Автономовой, Д.В. Сарабьянова, В.С. Турчина. М.: Гилея, 2008. Т. 1. С. 191.

теряя публику и раздражая критиков своим анархическим и малопонятным методом «свободной атональности». Кандинский между тем силился понять, чем же его так привлекает новая музыка, и советовался по этому поводу с Гартманом. Шёнберг и Кандинский пишут друг другу не только на темы их духовного сродства, общности специфически живописных и музыкальных устремлений, но и обо всём, что волнует их в искусстве. Более откровенно и рельефно, чем в печатных публикациях, они обозначают свои взгляды, насущные проблемы, разбирают системные и нормативные вопросы. Кандинский, как и прежде в совместных проектах с Фомой Гартманом, рассуждает в своих письмах о желаемом «общем знаменателе», синтезе всех искусств. Ни у него, ни у Шёнберга нет в это время других корреспондентов, с кем бы они могли столь же основательно обсудить свои трудности и устремления. То, что личных встреч у них было очень мало, для нас является большим благом, поскольку это склонило их к активной переписке.

Неоднозначную реакцию произвело то, что Шёнберг проявил себя живописцем. В период между 1906-м и 1912 годом он писал очень много, живопись едва ли не стала его второй профессией. Быть может, Кандинский отнесся к этим по-примитивистски реалистическим картинам свысока? И предпочитал им те немногие, что были написаны в более абстрактной манере? Невзирая на реакцию общества («Музыка Шёнберга и его картины – да от этого у любого голо-

ва пойдёт кругом!»), Кандинский был одним из первых, кто одобрил картины Шёнберга, и особенно примитивистские, и даже выставил их на «Синем всаднике» рядом с картинами профессиональных художников.

Вскоре они осознали, что оба напряженно продвигаются к одинаковой цели – создать образчик синтетического театрального искусства: композитор работал над «Счастливой рукой», художник – над «Жёлтым звуком». Вероятно, то обстоятельство, что каждый из них занялся «смежным» искусством, где мог позволить себе экспериментировать в более игровой манере, не сгибаясь под тяжестью традиции и ответственности, – возможно, это было связано с наступлением тяжёлой переломной фазы в их творчестве и испытанием их художнической честности. И, наверно, именно поэтому результат оказался столь новаторским, далеко выходящим за рамки дилетантизма: обе работы принадлежат авангардному этапу профессионального театра, а как пьесы до сих пор оказывают значительное влияние на немецкую драматургию.

В этой связи неудивительно, что оба художника одновременно берутся за написание основополагающего теоретического труда. «Учение о гармонии» Шёнберга выходит в свет первым, и Кандинский завидует другу-композитору: как далеко ушла музыка в своём отказе как бы то ни было подражать действительности, оставив для себя лишь один, имманентный инструмент – звуки. Может ли живопись перенять у музыки сам этот ПРИНЦИП и начать работать лишь с крас-

ками, линиями и формами, то есть работать абстрактно? Какая логичная и всё же до той поры так вполне и не продуманная мысль!

На картине Кандинского «Впечатление III. Концерт», которую он написал в январе 1911 года сразу после посещения концерта Шёнберга, ещё угадываются очертания слушателей и рояля, однако солнечно-жёлтая плоскость уже выступает самостоятельно и беспредметно, воздействуя на зрителя собственной силой. Чуть позже, но в том же 1911 году, появилась первая «совершенно беспредметная», по словам Кандинского, «Картина с кругом» (Грузинский национальный музей, Тбилиси).

Вопрос, который не может не привлекать внимание исследователей: до какого предела совпадали взгляды обоих корреспондентов на задачи художественного творчества в контексте современной им культурной ситуации? Подчеркнём, что речь стоит вести именно об отрефлексированных мнениях, поскольку прямое сопоставление произведений, принадлежащих разным видам искусства, живописи и музыке, едва ли может принести собственно научные результаты. Интересное предположение состоит в том, что сравнительно более молодой композитор отчасти поддался раздражению, почувствовав скепсис Кандинского в отношении беспримесно интуитивного творчества, и потому ему понадобилось более трёх лет для создания «Счастливой руки». Тема которой – способность гениально творить «счастливой рукой», как это

прежде удавалось Шёнбергу, обычно создававшему свои вещи стремительно и практически без помарок.

Безусловной помощью в поисках ответов на эти вопросы будет первая полная публикация на русском языке переписки двух художников XX века, Кандинского и Шёнберга, работы которых – среди тех, что произвели в искусстве радикальный и долговременный переворот.

Елена Халь-Фонтэн

От издательства

В настоящем издании впервые на русском языке публикуется вся известная на сегодняшний день переписка выдающихся художников XX столетия, Василия Кандинского и Арнольда Шёнберга. На немецком языке она вышла под редакцией Елены Халь-Фонтэн (Халь-Кох): Arnold Schönberg – Wassily Kandinsky: Briefe, Bilder und Dokumente einer außergewöhnlichen Begegnung / Hrsg. J. Hahl-Koch. Salzburg; Wien: Residenz Verlag, 1980. Для русской публикации расширен научный аппарат, обновлена библиография, добавлены малоизвестные документальные фотографии.

Фрагменты некоторых писем в русском переводе ранее публиковались в переводе Нины Летневой в каталоге выставки «Арнольд Шёнберг – Василий Кандинский. Диалог живописи и музыки» (Государственная Третьяковская галерея, 2001; куратор – Яков Брук).

Издательство выражает признательность за профессиональные консультации историку искусств Наталье Борисовне Автономовой и композитору Леониду Давидовичу Гофману. Хотим также поблагодарить специалиста по русскому авангарду Владимира Владимировича Полякова за помощь в подборе иллюстративного материала.

1911

18211.

Sehr geehrter Herr Professor!

Entschuldigen Sie bitte, daß ich ohne Ihre
Vorgängen zu Ihnen persönlich zu kommen
einfach an Sie schreibe. Ich habe eben Ihr
Concert hier gehört und habe viel interessante
Dinge daran gehört. Sie kennen mich, d. h.
meine Arbeiten natürlich nicht, da ich über-
haupt nicht viel ausstelle und in Wien nur
flüchtig und schon vor Jahren ein Mal
ausgestellt habe (Secession). Unsere Beziehungen
aber sind die ganze Denk- u. Gefühlweise
hien so viel gemeinsamer, daß ich mich
ganz berechtigt fühle, Ihnen meine Symp-
thie auszusprechen.
Sie haben in Ihren Werken das ver-
wirklicht, wonach ich im speciell unbotmäßiger
Form in der Musik so eine große Sehnsucht

1. Кандинский – Шёнбергу

18 января 1911г

Айнмиллерштрассе 36, I
Мюнхен

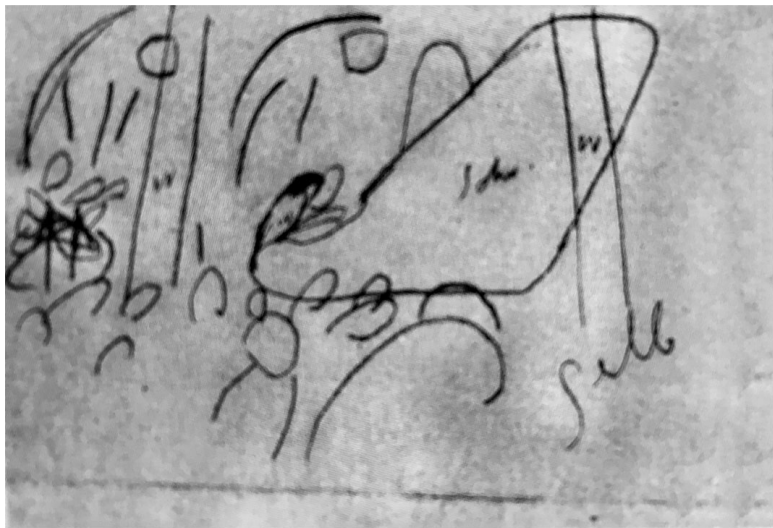
18.01.1911

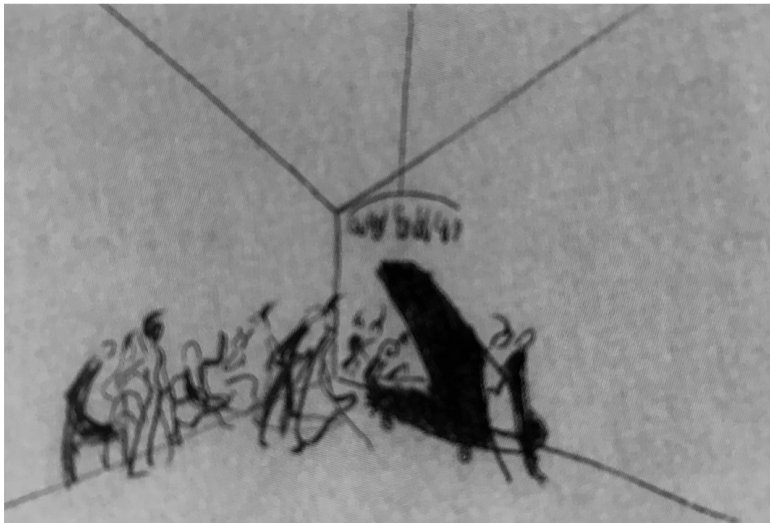
Глубокоуважаемый господин профессор!

Я прошу прощения, что, не имея удовольствия знать Вас лично, обращаюсь к Вам напрямую. Недавно я услышал Ваш концерт и испытал подлинное наслаждение¹. Разумеется, Вы не знаете меня, точнее, моих работ, поскольку я вообще редко выставляюсь, в Вене же выставлялся лишь один раз, и то ненадолго, примерно год назад (в рамках Сецессиона). Но наши устремления, равно как весь образ мыслей и чувств, имеют так много общего, что я считаю себя абсолютно вправе выразить Вам мою симпатию.

В своих произведениях Вы осуществили то, чего я, пусть и в неясной форме, так нетерпеливо ожидал от музыки. Независимое следование собственным судьбам и самостоятельная жизнь отдельных голосов в Ваших композициях – именно этого я пытаюсь достичь в живописной форме. Сейчас в живописи налицо мощное стремление обрести на путях конструктивизма «новую» гармонию, при этом ритмичность выстраивается на почти полностью геометрических

формах. Что до меня, я лишь частично разделяю эти чувства и устремления. *Конструкция* – это как раз то, чего живописи в последнее время так отчаянно не хватало. И очень хорошо, что теперь её ищут. Но сам *тип* конструкции я представляю себе иначе.

Василий Кандинский. Рисунки к картине «Впечатление III. Концерт». Январь 1911

Я полагаю, что в наше время гармонию можно обрести не «геометрическим» путем, а как раз антигеометрическим, антилогическим. И этот путь есть путь «диссонансов в *искусстве*», т. е. в живописи, равно как и в музыке. При этом «сегодняшний» живописный и музыкальный диссонанс есть не что иное, как консонанс «завтрашнего дня». (Само собой разумеется, что в принципе не следует отвергать гармоническое в его, так сказать, академическом изводе, ведь мы берём необходимое не заботясь, *откуда* мы его берём. И именно «сегодня», во времена растущего «либерализма», для этого

существует масса возможностей!)

Я был несказанно обрадован, обнаружив ту же мысль у Вас. Сожалею лишь об одном: что так и не понял последних двух предложений Вашей программы (на афише)³. Как ни старался, *точного* их смысла я уяснить не смог.

Беру на себя смелость послать Вам папку моих гравюр по дереву трёхлетней давности и вкладываю в это письмо несколько сравнительно недавних фотографий моих работ. Снимков с последних картин у меня пока нет. Буду очень рад, если Вас это заинтересует.

С живейшей симпатией и искренним уважением,

Кандинский

---

³ См. фото к следующему письму на с. [28](#).

2. Шёнберг – Кандинскому

24 января 1911г

Вена XIII

Хитцингер Хауптштрассе 113

24.01.1911

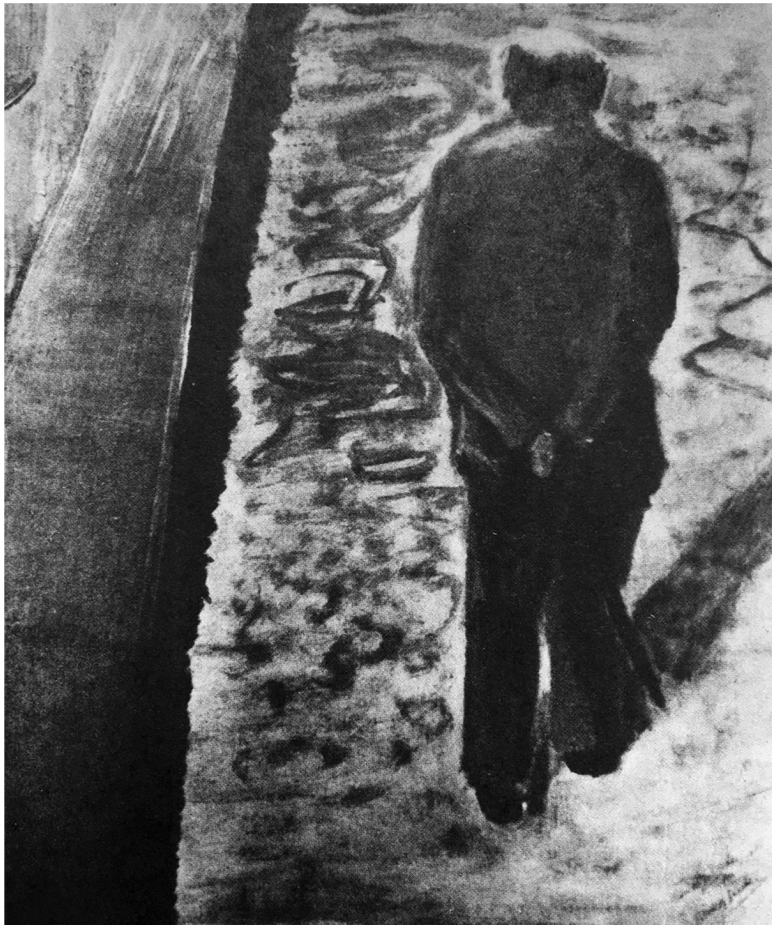
Сердечно благодарю Вас, дорогой друг, за Ваше письмо, которому я чрезвычайно рад. В наше время моим вещам заказан путь к широким массам, но тем вернее они покоряют отдельные личности. Те воистину значимые личности, которые только и важны для меня. И в особенности меня радует, что родство со мною почувствовал художник, творящий в иной области, нежели я. Такое сродство и такая общность неопознанно, но, полагаю, не случайно существуют сегодня между лучшими и углубленно ищущими. Я горжусь тем, что завоевал симпатии по большей части именно лучших.

Теперь о главном: большое спасибо за гравюры. Содержимое папки мне чрезвычайно понравилось. Всё это мне абсолютно понятно, и я уверен, что мы с Вами сойдёмся. Сойдёмся в самом главном, в том, что Вы называете «нелогичным», а я – «отключением осознанной воли в искусстве». Согласен с Вами также и в том, что вы пишете о конструктивном элементе. Всякое формотворчество, рассчитанное на традиционное воздействие, не свободно от актов сознания.

Но искусство принадлежит *бессознательному!* Здесь выражают *себя!* Притом выражают *непосредственно!* Выявляя не вкус, не воспитание, не интеллект, не знания, не умения. Не какое-либо из *благоприобретённых* качеств. Но лишь *прирождённое, инстинктивное*. Между тем всякое формообразование, всякое *осознанное* формообразование так или иначе использует математику, геометрию, золотое сечение и ещё бог знает что. Тогда как формообразование неосознанное, которое утверждает тождество: «форма = явленной форме», только и является истинным; только оно производит образцы, вызывающие подражание имитаторов и затем превращающиеся в «формулы». Но те, кто способен расслышать самих себя и распознать собственные инстинкты, осмысленно вникнуть в каждую проблему, – не нуждаются в костылях. Чтобы так творить, не обязательно быть первопроходцем, нужно лишь относиться к себе всерьёз и так же серьёзно думать о действительной задаче человечества в каждой духовной и творческой области: познавать и выражать то, что ты познал!!! В этом моя вера!

Ещё раз хочу поблагодарить Вас за Ваши гравюры. Повторю: эта папка мне *весьма, весьма* понравилась. Фотографии я пока понимаю хуже. Наверное, это надо видеть в цвете. Поэтому я не решаюсь послать Вам снимки моих работ. Возможно, Вы не знаете, что я тоже пишу. Однако для меня цвет значит так много (речь не о «красивых» цветах, а о выразительных – выразительных в совокупном звучании), что

я не знаю, возможно ли будет что-то понять из репродукций. Друзья говорят, что возможно, но не уверен. Всё же, если Вас это интересует, я бы послал несколько штук. Хотя мы работаем совсем по-разному, Вы обнаружите там некоторые точки соприкосновения. Я, во всяком случае, вижу кое-какие из них по фотографиям. Главное, насколько понимаю, вы почти не обращаетесь к предметной области. Я тоже не понимаю, почему живопись непременно должна быть предметной. Более того, я как раз уверен в обратном. Разумеется, если фантазия влечёт нас к предметности – почему нет? Возможно, причина в том, что наши глаза воспринимают мир предметно. Ухо устроено лучше! Но если художник поднимается до стремления выразить, с помощью ритмов и длительностей, внутренние переживания и внутренние образы, тогда «объект живописи» сразу перестаёт всецело подчиняться репродуцирующему глазу.

Арнольд Шёнберг. Автопортрет. 1911

Справа внизу надпись: *Arnold Schönberg fecit 1911* (латинское слово *fecit*, т. е. *сделал*, иногда ставили после своей под-

писи старые мастера)

Очень жаль, что меня не было в Мюнхене. Быть может, мы бы там познакомились. Впрочем, это непременно произойдёт. Либо в Мюнхене, либо в Вене. Полагаю, нам будет о чём поговорить. Заранее радуюсь этому и жду от Вас письма. А пока – мой самый сердечный привет,

Арнольд Шёнберг

Да, той афиши у меня под рукой нет, и я не могу её найти, поэтому не знаю, о каком предложении у Вас речь. Вообще все эти фразы помещены на афишу сотрудниками концертного агентства Гутмана без *моего ведома*. Мне подобная реклама не нужна и несимпатична. Всё, что я мог бы сделать, – это отправить им жалобу. Но и на это у меня нет права. Ибо мой концерт был устроен именно этим агентством на свой страх и риск (за что, кстати, я им *весьма благодарен*). Поэтому я не имею на происходящее никакого влияния..

In einem Sinne soll man nie unzeitgemäß sein — nach rückwärts!
Dissonanzen sind nur graduell verschieden von den Konsonanzen; sie sind nichts anderes als entfernter liegende Konsonanzen. Wir sind heute schon so weit, zwischen Konsonanzen und Dissonanzen keinen Unterschied mehr zu machen. Oder höchstens den, dass wir Konsonanzen weniger gern verwenden.

Ich glaube, man wird in der Harmonie von uns Allermodernsten schließlich dieselben Gesetze erkennen können, wie in der Harmonie der Alten. Nur entsprechend ausgeweitet, allgemeiner gültig.

Unsere Lehre führt dahin, auch Hervorbringungen Jüngerer, die das Ohr der Älteren verpönt, als notwendige Ergebnisse der Schönheitsentwicklung anzusehen. Niemand aber sollte man wünschen, Dinge zu schreiben, deren Verantwortung man nur mit dem Einsatz einer vollen Persönlichkeit zu übernehmen vermag. Dinge, die Künstler fast widerwilling im Zwange ihrer Entwicklung geschrieben haben, aber nicht aus dem hemmungsarmen Mutwillen formansicherer Voraussetzungslosigkeit.

Aus der „Harmonielehre“ von Arnold Schönberg.

Текст, приведённый ниже, взят из статьи «Одна глава моего “Учения о гармонии”» (напечатанной в октябрьском но-

мере журнала *Die Musik*)².

Ш.

[Выдержка из «Учения о гармонии» Шёнберга – см. текст в рамке на с. 28. Этот отрывок был использован для наклейки на афише концерта в Мюнхене 26 января 1911 г.]

В одном отношении не следует терять чувства времени – в отношении прошлого.

Диссонансы отличаются от консонансов лишь по степени: они суть не что иное, как отдалившиеся консонансы. Сегодня мы уже не делаем различия между консонансами и диссонансами. А если и делаем, то лишь тем, что всё менее охотно используем консонансы.

Я верю, что со временем мы сможем осознать, что гармония у современнейших из нас и гармония классиков управляется одними законами. Вопрос лишь в том, чтобы должным образом их расширить и понять в обобщённом смысле.

Наше учение склоняет нас к тому, чтобы рассматривать даже произведения молодых композиторов, забравших слух своих предшественников, как необходимый этап в развитии красоты. Однако не стоит стремиться к написанию вещей, ответственность за которые можно взять лишь ценой полного укрощения личности, вещей, которые художники создавали почти что против своей воли, повинувшись принуждающей логике их развития, а не безграничному своеволию

формально раскованной непредрешенности.

Кандинский в Мурнау. 1910. Фото Габриэле Мюнтер

3. Кандинский – Шёнбергу

26 января 1911г

Мурнау
Обербайерн

26.01.1911

Глубокоуважаемый господин профессор!

Своим письмом Вы доставили мне величайшее удовольствие. Благодарю Вас от души и с нетерпением жду нашего личного знакомства. О некоторых вещах (как, например, о сознательном и бессознательном в нашей работе) я много раздумывал. По существу я согласен с Вашей точкой зрения. Хочу сказать, что во время работы не должны приходить никакие мысли, говорить и править должен только внутренний «голос». Вот только до сих пор именно художник как раз слишком мало об этом задумывался. Он понимал свою работу как род колористической эквилибристики. На самом же деле художник должен (и как раз для того, чтобы выразить *себя*) вполне владеть материалом и прибегать к чувству в достаточной мере, чтобы распознавать разницу между = и < и отзываться на неё душевным трепетом³. Это и есть внутреннее знание. А тогда уж можно строить и конструировать, и никакая геометрия не выйдет на свет – но лишь искусство. Я очень рад, что вы заговорили о самопознании. Это – корень

«нового» искусства, вообще искусства как такового – не нового, но вступившего в новую фазу: «сегодня»!

Zwischen = und / \
Deutsch lebt! Das ist

Мне бы *чрезвычайно* хотелось получить ваше фото. Чёрно-белого изображения вполне достаточно, я разберусь. Такое фото подобно фрагменту клавира. Заранее благодарю Вас за его присылку.

Теперь хочу задать Вам очень важный для меня вопрос. В России скоро открывается второй передвижной «Салон». Это такая международная выставка, которая будет провезена по главным городам России, посвящена она «новому» искусству. Устроитель выставки, скульптор Вл. А. Издебский – мой добрый друг⁴. Он попросил меня, как у нас с ним принято, помочь ему в этой работе и, в частности, порекомендовать как можно более серьёзные и интересные статьи об искусстве (любом, возможно, о музыке) или, быть может, назвать хороших авторов. Вчера я получил от него письмо и сейчас же написал ему о Вас. Поскольку дело это весьма спешное, я позволил себе заказать пару номеров *Die Musik*, с тем чтобы один из них послать Издебскому. Если Вы имеете

возражения против такого использования вашей статьи, пожалуйста, срочно напишите мне, и я откажусь от перевода. Правда, я весьма надеюсь, что Вы дадите нам разрешение! Каталог выставки предполагается выпустить в виде журнала по искусству, он будет встречен с большим интересом. Это предприятие действительно заслуживает всяческой поддержки. Я всегда испытываю огромную радость, когда художники из разных стран объединяются для работы над каким-то общим делом. Пренебрежение политическими границами всегда оказывает прекрасное воздействие и приносит богатые плоды.

С чувством симпатии и уважения,

Кандинский

[P. S.] В настоящее время я нахожусь за городом. Через два дня приеду в Мюнхен.

19¹⁰₁₁ САЛОНЪ 2

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА

УСТРОИТЕЛЬ В.А.ИЗДЕБСКИЙ

КАНДИНСКИЙ

Обложка каталога второго «Салона» В. Издебского по эскизу Кандинского

называемая „новая живность“. Само собою ясно, что это искусство есть не зачатое, а в самом корне корень, а количественное. Эта композиция, бывшая в незначительных законах великого искусства всех периодов, начиная с примитивного искусства „дикарей“, должна именно по эту традицию, на наших счастливых глазах гласах начавшуюся, эпоху Великой Духовности, быть важнейшим прорывом, который ведет уже за собой и шагче иезуитизма души и поведет весь мир.

Эта композиция будет построена на тѣх-же, уже въ эмбриональном, видѣ известных, основах, кото-

рая, однако, теперь развѣются до простоты и сложности музыкального „контрапункта“. Этот контрапункт, (которому еще нѣтъ слова въ нашей области) будет найденъ дальше, въ пути Великого Загнра, тѣмъ же вѣчно-неизмѣннымъ проводникомъ—Чувствомъ. Наилейшимъ и кристаллизованнымъ, или, дасть выражение Элохъ Великой Духовности. Но каковы бы ни были его крупная или мелкая частности, все эти частности будутъ закончиться на одномъ величайшемъ фундаментѣ—на Принципѣ Внутренней Необходимости.

Кандинскій.

„Параллели въ октавахъ и квинтахъ“ *

проф. Арнольда Шёнберга (Віна).

... Представилъ себѣ, какъ могла произойти развитіе многоголосія. Первымъ толчкомъ могла послужить потребность принять активное участіе въ пѣніи, которую до того пѣлъ одинъ человекъ. Два или нѣсколько человекъ взяли одну и ту же пѣсню. Если поютъ вмѣстѣ нѣсколько совершенно одинаковыхъ голосовъ, напр., только низкіе мужские голоса, то само собою разумеется, что они могутъ воспринять пѣніе только въ однозвучіи, въ одномъ и томъ же тонѣ, совершенно консонантно. Если вступитъ сюда же и женскіе голоса и если мелодія ни особенно высока, ни особенно низка, то возникаетъ вторая возможность—пѣть во второмъ совершенномъ консонансѣ—въ октавахъ. Если же мелодія слишкомъ низка для высокихъ женскихъ голосовъ и высока для низкихъ мужскихъ, или слишкомъ высока для низкихъ женскихъ и мужскихъ голосовъ, тогда возникаетъ необходимость найти для этихъ голосовъ что нибудь другое. Пока настоящее многоголосіе не было най-

дено (если не разсматривать уже и пѣніе въ октавъ, какъ относительное многоголосіе), то и не оставалось ничего другого, какъ пѣть ту же мелодію въ какомъ нибудь другомъ консонантномъ тонѣ. Такъ какъ однозвучіе и октава уже были въ употребленіи, то убо и должно было необходимо избрать самое близкое стоящее къ нимъ звуочіе: квинту...

То что гораздо позже пришла мысль и термін употребить съ той же квинтою, то, что термін означала себѣ признаніе консонанса еще гораздо позже, доказываетъ правильность часто упоминаемой въ этой книгѣ гипотезы: диссонансы отличаются отъ консонансовъ по степени; они ничто иное, какъ болѣе отдаленные консонансы, являющіе уху болѣе трудностей своею отдавленностью; и когда анализъ въ свое время приблизитъ ихъ къ намъ, они получаютъ все шансы стать консонансами также, какъ ближе дежаде къ намъ тона. (Между прочимъ, является аргументомъ въ этомъ утвержденіи и то, что очень скоро было разрешено примѣненіе безъ приготовления септи доминантъ—септаккорда). Отсюда слѣдуетъ, что въ стремленіи создать поразичае естественному благозвучію ухо или правильнымъ путемъ, или путемъ именно этого развитія: однозвучіе, октава, квинта. А отсюда слѣдуетъ, что въ квинтахъ пѣли по той же причинѣ, что и въ октавахъ: по причинѣ благозвучія. И отсюда же даѣе вытекаютъ та странная случайность, которая такъ часто придаетъ акустикѣ нѣчто кабалистическое, а именно что *ниже въ квинтахъ, н. с. однозвучіею и въ квинтахъ, вольно соотвѣтствовало потребности челоическаго голоса*. Такъ какъ теноръ въ среднемъ отстоитъ отъ баса на квинту, альта отъ тенора—на кварту или квинту и сопрано отъ альта—опять таки на квинту. Тутъ яснымъ становится, что этотъ выходъ изъ затрудненія есть разрѣшеніе чисто-художественнаго характера, найденнаго здѣсь инстинктивно: однимъ взрывомъ два запя.

Дальнейшее же развитіе представляется мнѣ такъ: вскорѣ послѣ признанія термін консонансомъ

*. Этотъ сдѣланный мною переводъ есть часть статьи напечатанной въ „Die Musik“ (X12). Статья эта есть отрывокъ изъ „Harmonielehre“ автора, которая въ скорости выйдетъ въ изданіи „Universal Edition“, Schönberg—одинъ изъ самыхъ радикальныхъ, пошедшихъ впередъ, даровитыхъ и искреннихъ творцовъ „новой“ музыки. Позволяю себѣ рекомендовать весьма интересующимся искусствомъ не путаться спеціального заглавіи и прочесть этотъ короткий отрывокъ. И обратитъ особенное вниманіе на то, какъ ярко чувствуютъ этотъ революціонный композиторъ непреодолимую органическую связь, непреодолимое естественное выраженіе новой музыки изъ старой и даже изъ глубинъ самаго ея отдаленнаго источника. Искусство идетъ... путемъ челоической природы“. Schönbergъ повсильтельно каждое сочетаніе звуковъ, каждый шагъ впередъ, цю и уже и сегодня чувствую, что и здѣсь существуютъ известныя границы, отъ которыхъ зависитъ мой выборъ того или иного диссонанса. Schönbergъ сочетаетъ въ своемъ мышленіи великую свободу съ великой ириоръ въ закономерное развитіе духа!

Кандинскій.

текста Шёнберга «Параллели в октавах и квинтах» (предпубликация фрагмента из «Учения о гармонии»)

4. Кандинский – Шёнбергу

06 февраля 1911г

Айнмиллерштрассе 36, I
Мюнхен

06.02.1911

Глубокоуважаемый господин профессор!

Большое спасибо за присланное. Жаль, что альбом придётся возвращать. Вы позволите мне, однако, подержать его у себя недели две? Я буквально восхищён Вашими работами, источник которых – природная необходимость и способность тонко чувствовать. Я давно угадывал, что наше, как бы то ни было, великое время предоставит нам не одну, но множество возможностей. В одном своем сочинении, которое кое-кому нравится, хотя пока не нашло своего издателя⁵, я среди прочего писал, что возможности живописи могут настолько возрасти, что не только достигнут, но едва ли не перейдут обе самые отдаленные границы. А границы эти (= два полюса) весьма, весьма далеки друг от друга: это полная абстракция – и чистейший реализм. Лично я всё более и более склоняюсь к первой. Однако и вторую приветствую *ровно так же*. И я с нетерпением жду появления этого второго. Хочу сказать: он уже на подходе! Так вот, в Ваших картинах я как раз с особой ясностью усматриваю именно на-

личие реального. Разумеется, этот реализм отнюдь не совпадает с тем, который мы уже пережили. *Внутренне* он ему противопоставлен: там *res* – это цель, здесь – средство. А не всё ли равно, каково средство, если оно всё равно ведёт к цели? Я снова думаю о «запретных» у Вас параллельных октавах. У нас, живописцев, под запретом как раз *res*. И я жду не дождусь, пока она появится. Ужасно, даже трагично это человеческое пристрастие к окаменевшей форме. Ещё вчера публика была готова сожрать человека, явившего эту новую форму. А сегодня эта форма = незыблемому закону на все времена. И это трагично, потому что снова и снова свидетельствует, что люди почти всегда цепляются за внешнее. Я долго думал над этим и даже нашёл некое утешение. Но порой моё терпение готово лопнуть.

Выставляете ли Вы свои картины? Не хотите ли дать что-нибудь для «Салона», о котором я Вам писал и для которого просил статью? Я перевёл её сам, поскольку, при всей нехватке времени, решил поглубже в неё вжиться. Понравилась она мне *чрезвычайно*, и я несказанно рад, что познакомился с Вами, пусть даже только по письмам. Не меньше меня наслаждается Вашими картинами и письмами моя жена Габриэле Мюнтер⁶. Она находит в Ваших картинах точки соприкосновения с Вами. Как-нибудь я пришлю Вам несколько её вещей. Им тоже свойствен здоровый реализм, хотя иного рода, чем у Вас.

С сердечным приветом и живейшей симпатией,

Кандинский

5. Кандинский – Шёнбергу

09 апреля 1911г

Мюнхен

09.04.1911

Глубокоуважаемый господин профессор!

С особым удовольствием посылаю Вам свою карточку. Мне было бы очень приятно получить Вашу.

Я Вам завидую! Ваше «Учение о гармонии» уже в печати. Как бесконечно счастливы музыканты (хотя бы сравнительно!), столь далеко зайдя в своем искусстве, воистину в *искусстве*, достигшем того блаженного состояния, когда можно полностью отказаться от чисто практических целей. Долго ли ещё ждать того же в живописи? А ведь право на это (=обязанность) она тоже имеет: краски и линии сами по себе – какой безграничной красотой и силой обладают эти живописные средства! Но всё-таки сегодня мы уже яснее видим начало этого пути. Сегодня и мы можем мечтать о чём-то похожем на «Учение о гармонии». Лично я уже мечтаю и надеюсь написать первые фразы этой великой книги будущего. Не исключаю, что этим займётся и кто-то другой. Тем лучше! Пусть таких будет как можно больше. Я также хочу отвести себе некоторое время, чтобы немного разобраться в теории музыки (разумеется, лишь внешне и поверхностно),

чтобы хоть приблизительно понять, как строится подобная теория. Если хоть отчасти уразуметь, как был построен венский собор св. Стефания, то, глядишь, и сам сможешь соорудить какую-нибудь убогую хижинку.

От души желаю Вам успеха в Вашей работе и терпеливо жду обещанного Вами подробного ответа.

С сердечным приветом,

преданный Вам Кандинский

Из-за крайней спешки я позволил себе перевести и отдать в печать Вашу статью из *Die Musik* без разрешения *Universal Edition*. Иначе это столь нужное дело отложилось бы на целый год.

Кандинский. 1910-е. Фото Габриэле Мюнтер
Фотография, подаренная Шёнбергу с надписью: «Арноль-

ду Шёнбергу с глубокой симпатией. Кандинский. Мюнхен.
9.IV.1911»

6. Кандинский – Шёнбергу

25 августа 1911г

Мурнау

25.08.1911

Глубокоуважаемый господин Шёнберг!

Я очень рад нашей предстоящей встрече. Только что вернувшись из Мюнхена, я нашёл здесь Ваше письмо. Не хотите ли навестить нас в воскресенье? Вы можете отправиться из Берга на парходике в 2.10 (ходит по воскресеньям и праздникам), в 2.45 Вы в Тутцинге, в 3.00 из Тут-цинга отходит скорый поезд, и в 3.46 Вы уже на вокзале в Мурнау, где я Вас встречу. Мы проведем день вместе, потом Вы переночуете у нас, и на следующее утро (разумеется!! если Вы захотите) мы совершим пешую прогулку до Зиндельсдорфа, что неподалеку от озера Кохель. Там живёт мой друг Франц Марк (художник) с женой, и оба *чрезвычайно* вами интересуются⁷. Они будут счастливы с Вами познакомиться. Если захотите, Вы сможете уже в понедельник снова быть дома, если нет, мы все переночуем в Зиндельсдорфе. А на следующей неделе я мог бы приехать к Вам, тогда, к моему удовольствию, мы с Вами повидались бы дважды.

Если такой план Вас устраивает, то в воскресенье я буду ждать Вас на вокзале. Если нет, будьте добры, отправьте мне

телеграмму: письмо дойти уже не успеет. Если Вы никогда не бывали в Мурнау, Вам здесь очень понравится.

Сердечный привет, также и от г-жи Мюнтер,

Кандинский

7. Шёнберг – Кандинскому 26 августа 1911г

Берг-ам-Штарнбергерзе
оставить у г-жи Видль

26.08. 1911

Глубокоуважаемый господин Кандинский,
сердечно благодарю за Ваше приглашение, но, увы, в это воскресение я к Вам приехать не смогу, поскольку сейчас не могу надолго оставлять свою работу. К тому же моя жена неважно себя чувствует, и я не хотел бы отлучаться из дома. Поэтому я был бы очень рад, если бы Вы посетили нас, как Вы хотели, на следующей неделе. За неделю я планирую закончить свою работу и тогда непременно возвращу Вам визит. Одна просьба: сообщите, пожалуйста, о Ваших намерениях по возможности скорее, чтобы я мог всё устроить. На этой неделе я ещё должен побывать в Мюнхене, и, если буду точно знать время Вашего приезда, мне будет проще планировать. Буду очень рад с Вами увидеться, сердечно,

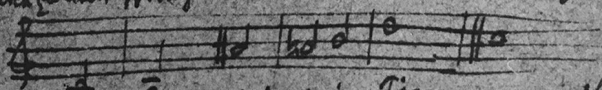
Ваш Арнольд Шёнберг

Матильда и Арнольд Шёнберги. Фото Генриха Шёнберга.
Пайербах (Австрия). 1901

II. Streichg. utell. IV. Holz Wieder für Kauderzsky,

of life mid my in Roman — ending
 was in a Hauptling, die in gerne von lange
 auf die fater. 12/12. 1911. Amosyehinly

Фотографический портрет Шёнберга, сделанный не позднее 1910 года, с посвящением Кандинскому

Дорогой г-н Кандинский, я выплачиваю свой долг звуками – тем, наконец, с великим удовольствием исполняя обещание, столь долго откладываемое. 12. 12. 1911. Арнольд Шёнберг

8. Кандинский – Шёнбергу

Около 29 августа 1911г

Мурнау Воскресенье

[вероятно, 29.08.1911]

Глубокоуважаемый господин профессор!

Вчера телеграмма, сегодня письмо. Большое спасибо! По долгом размышлении я решил приехать к Вам уже послезавтра (во вторник). На этой неделе мне будет очень трудно выбрать другой день, а откладывать до следующей – для меня слишком долго. К тому же мы уже условились о визите к супругам Марк в понедельник, так что во вторник я от них уеду и в 11.40 мой пароход будет уже в замке Берг. До 5.35 время в моём распоряжении.

Если по какой-то причине это Вам неудобно, пожалуйста, телеграфируйте. Адрес: Марк, Зиндельсдорф. Если завтра телеграммы не будет, то послезавтра я отправляюсь.

С сердечным приветом,

Ваш Кандинский

Слева направо стоят: Габриэле Мюнтер, Мария Марк, Бернард Кёлер, Фома Гарман, Генрих Кампендонк. В центре сидит – Франц Марк. Терраса дома Кандинского в Мюнхене. 1911.

Фото Василия Кандинского

Слева направо стоят: Мария и Франц Марк, Берnard Кёлер, Генрих Кампендонк, Фома Гарман. В центре сидит – Василий Кандинский. Терраса дома Кандинского в Мюнхене. 1911.

Фото Габриэле Мюнтер

9. Кандинский – Шёнбергу *07 сентября 1911г*

Мурнау

07.09.1911

Глубокоуважаемый господин Шёнберг!

Благодарю Вас за письмо. Как раз вчера пришло письмо и от Марка. Он спрашивает, когда я жду к себе Вас, и просит, если это возможно, перенести общее знакомство на следующую неделю, так как на этой неделе ему будет *очень* трудно приехать. Поэтому хотелось бы для удобства назначить Ваш приезд на среду следующей недели (как можно раньше!). Если Вам этот день подходит, супруги Марк тоже приедут к нам. Как только получу от Вас ответ, напишу Марку. Только что пришли два экземпляра *Der Merker*⁸. Очень благодарен. Сейчас же примусь за изучение.

Сердечный привет Вашей супруге,

Ваш Кандинский

Мы *непрерывно* ждём вас обоих!

Отправление из Берга в 7.50 – в Тутцинге 8.10 Отправление из Тутцинга 8.41 – в Мурнау 10.00

11. Шёнберг – Кандинскому

11 сентября 1911г

Берг-ам-Штарнбергерзе

11.09.1911

Глубокоуважаемый господин Кандинский, всё-таки я *не смогу* приехать в среду. Я кое о чём забыл, позже объясню. Вместо среды я, совершенно определённо, приеду в четверг, 14 сент., если Вы не возражаете. Возможна также пятница, суббота и даже воскресенье.

У меня есть к Вам одна просьба. Не можете ли Вы порекомендовать мне врача (возможно, специалиста) по следующему поводу. Моя дочь с некоторых пор страдает кожным заболеванием ног в виде открытых гноящихся язв. Мы видим причину – и на это у нас есть основания – в её общем физическом состоянии, ухудшившемся в связи с истощением и малокровием.

Хотелось бы пригласить компетентного врача, который не запросит непомерной платы. Я небогат. Вовсе нет, я лишь на что-то способный музыкант! Поэтому я совершенно не в состоянии оплатить услуги господ «профессоров» по счетам, которые они предъявляют приезжим или здешним богатым жителям. Хорошо бы Вы посоветовали мне кого-то в Мюнхене и, возможно, отозвались бы обо мне как о челове-

ке, способном рассчитаться лишь по расценкам, так сказать, «для художников».

Буду Вам очень благодарен за скорый ответ.

В ожидании встречи – с самым сердечным приветом,

Ваш Арнольд Шёнберг

12. Кандинский – Шёнбергу *18 сентября 1911г*

18.09.1911

Дорогой господин Шёнберг!

В среду или четверг я должен быть в Мюнхене, где задержусь на 2–3 дня. Поэтому в среду я позвоню Вам в 11, и мы обо всём договоримся. Ваш визит доставил всем нам *живейшее* удовольствие. Желаю Вам всех благ и поклон Вашей супруге,

Ваш Кандинский

Кандинский в своём кабинете. Мюнхен, Айнмиллер-штрассе 36, I. Июнь 1911. Фото Габриэле Мюнтер

13. Кандинский – Шёнбергу

Около 21 сентября 1911г

[вероятно, вторник 21.09.1911]

Дорогой господин Шёнберг!

Наш мюнхенский адрес – Айнмиллерштр. 36, I. Садовый домик. Я обещал Вам написать и только теперь вспомнил. Мы приедем в Мюнхен завтра вечером и останемся там до понедельника-вторника.

Завтра в 11 я Вам позвоню.

Сердечный привет от нас обоих,

Ваш Кандинский

**14. Супруги Макке, М. Марк, Г.
Мюнтер и Кандинский – Шёнбергу**
Конец сентября 1911г

Мурнау

[вероятно, конец сентября 1911]

Дорогой господин Шёнберг!

Третий день работая над «Синим всадником», мы снова подумали, как хорошо было бы хоть ненадолго повидаться всем вместе.

С сердечным приветом,

Мария Марк¹⁰, Авг. Макке,

Элизабет Макке

[рукой Мюнтер]

Хорошо бы встретиться хоть ненадолго, а ещё лучше – на-долго!

Всех благ, Г. Мюнтер

Кандинский

15. Мюнтер – Шёнбергу

27 сентября 1911г

Мюнхен

27.09.1911

Дорогой господин Шёнберг!

Прошу Вас, распорядитесь, пожалуйста, чтобы упомянутая статья из той «Карманной книги» как можно быстрее была передана Кандинскому, а заодно и всё остальное из хорошего, что Вами написано¹¹. Было бы чудесно, если бы Вы могли прислать непосредственно нам качественные репродукции (фотографии или негативы) Кокошки¹², который ведь тоже теперь в Берлине. Если нет, то пришлите, пожалуйста, адрес Кокошки, чтобы мы могли обратиться к нему сами. Синий всадник несется вскачь. Работе конца-краю нет. Пора приступать к печатанию, помогите нам! Давайте вместе приложим все усилия, чтобы наконец достичь цели.

Мы с нетерпением ждём статьи и иллюстративного материала!

Как Вам с семьёй живётся в Берлине? Извините, что Кандинский не может сегодня сам написать Вам. Самой мне ещё нужно срочно к Бергу¹³ по поводу Ваших картин.

Теперь убегаю. Самый сердечный привет и лучшие поже-

дания от нас обоих и от супругов Марк,

Ваша Габриэле Мюнттер

Шёнберг. Фото Альбана Берга. Вена. 1911

16. Кандинский – Шёнбергу

07 октября 1911г

Мюнхен

7.10.1911

Дорогой господин Шёнберг!

Быть может, Вы почувствовали, что сегодня (т. е. сегодня в *особенности*) мы здесь говорили о Вашей музыке и о Вас?

Большое спасибо за «Карманную книгу» (сегодня прямо из издательства пришёл второй экземпляр).

Не хотите ли дать ещё что-нибудь для «Синего всадника»? Начало «Проблем преподавания»¹⁴ просто по разительности: каждая фраза как пистолетный выстрел. Бам! Бам! Бам! Хотелось бы такого ещё и ещё: слишком уж аппетитно. А пьеса для фортепиано?? Господин Альбан Берг написал мне, что высылает Ваши картины и своё музыкальное сочинение (я просил его об этом), и о том, что взял на себя хлопоты о Вашем переезде. Значит Ваш переезд – дело решённое? Всё устроилось? Напишите о себе и Вашей семье. Как вообще Ваши дела?

Виделись ли Вы с Кокошкой? Пишет ли он свои чудесные вещи? Можно ли получить фотографии?

Не хочу Вас сердить. Вы же знаете, как это важно, что первый номер «Синего всадника» выдаётся таким хорошим –

разнообразным и серьёзным. Если только *хоть как-то* возможно, дайте ещё одну статью (совсем не обязательно короткую). Пусть и в начале ноября!

И не забывайте, что за Вами карточка, Ваш фотопортрет. Я, конечно, могу и подождать, но она должна у меня быть.

Сердечный привет от нас обоих, также и Вашей жене,

Ваш Кандинский

17. Шёнберг – Кандинскому

11 ноября 1911г

Берлин-Целендорф, вокзал Ванзе
шоссе Махноер, Вилла Лепке

11.11.1911

Дорогой господин Кандинский, «Синий всадник» уже вызывает во мне большое любопытство. Когда же он наконец выйдет? Или он ещё не готов?

Я всё ещё не нахожу времени, чтобы написать статью для второго номера. Вполне вероятно, что чуть погодя я всё же смогу это исполнить. Но пока не получается, поскольку с 20 ноября я подрядился читать в консерватории Штерна цикл из 8–10 лекций под названием «Эстетика и учение о композиции». Как Вы, вероятно, догадались, я хочу ниспровергнуть и то и другое. Возможно, одну из этих лекций я запишу и дам Вам для «Синего всадника».

Больше мне почти нечего сообщить Вам о моём здешнем пребывании. Учеников себе я ещё не нашёл. Для этого, скорее всего, понадобится время. Зато в декабре Розе¹⁵ исполнит здесь мой Первый квартет. Будут и другие концерты. В Париже намечается целый вечер – камерная музыка и песни.

В Будапеште – вечер камерной музыки и песен и вдобавок секстет. Затем в Праге мой Второй квартет и концерт, где

я дирижёром. В Мюнхене секстет. В Вене хор. Думаю, это принесет пользу.

В Берлине со мной ещё должны познакомиться, и тут я полагаюсь на свои лекции. Надеюсь также, что смогу хорошенько задать берлинцам жару.

Теперь должен Вам сказать, что картины Ваши произвели на меня очень сильное и стойкое впечатление. Многие до сих пор стоят у меня перед глазами. Впечатление какого-то сна – нечто необузданное и вместе с тем очевидно укрощённое, и при этом – невероятно сильное воздействие цвета. Очень хотелось бы увидеть их снова. Я также много размышлял над картинами г-жи Мюнтер. Меня глубоко тронула необычайная сила, но и особая женственность её работ.

Очень хотел бы увидеть вас обоих. Вы хотели приехать в Берлин, это намерение ещё в силе?

Здесь у меня очень красиво. Сплошной лес!! Можно сказать, сельская местность. Почти час езды собственно до Берлина. Мне очень хочется, чтобы вы это повидали. Берлинский пейзаж наделен своеобразной красотой, совсем иной, чем венский. Тут главное – лес и особая атмосфера. Мне это необычайно близко, хотя я очень люблю австрийский пейзаж. А может быть, как раз по это му.

Итак, я надеюсь на скорое письмо от Вас. И ещё хотелось бы узнать, что Вы думаете о моих картинах, которые ведь теперь есть у Вас в оригиналах. И кстати, Вам они ещё нужны? Вы сделали с них снимки?

Самые сердечные приветы Вам и Вашей супруге от нас
обоих,

Ваш Арнольд Шёнберг

18. Кандинский – Шёнбергу

16 ноября 1911г

Мюнхен

16.11.1911

Дорогой господин Шёнберг,

Ваше письмо меня очень порадовало. Так много концертов, прекрасно! Когда же состоится мюнхенский? Я переполнен ожиданием. Целый вечер в Париже – просто великолепно. Я мог бы, с помощью Ле Фоконье¹⁶, дать материал об этом в газетах. Хотите ли вы этого? Очень рад, что Вы хорошо устроились. *Возможно*, в январе мы появимся в Берлине.

Теперь о «Синем всаднике»! Он выйдет только в середине января, быть может, даже в конце. Так что у Вас в запасе ещё целый месяц для написания статьи. *Первый* номер без Шёнберга! Нет, на это я не пойду. У нас обязательно будет 3–4 музыковедческие статьи – Франция, Россия. Одна из них очень длинная, называется «Музыковедение», пришла из Москвы и многое ставит с ног на голову¹⁷. Пришлите же 10–15 страниц! Как я сказал, без Шёнберга обойтись *никак нельзя*.

В Ваших картинах (только вчера доставленных курьером, мы ведь снова в Мюнхене только два дня) я разглядел *очень* много. И два корня: 1) «чистый» реализм, т. е. вещи, каковы

они суть, и при этом каково их *внутреннее звучание*. Это то, о чем я напроорочествовал в своей книге: «фантастика простейшей материи»¹⁸. *Моему* искусству это прямо противоположно и... внутренне произрастает из того же корня: живёт ли стул или живёт линия – в конечном счёте, в самой основе, это одно и то же. *Такую* «фантастику» я очень люблю и вообще, и в Ваших картинах в частности. «Автопортрет», «Сад» (не тот, что я хотел, но тоже очень хороший). 2) Второй корень – дематериализация, романтически-мистическое звучание (т. е. то, что делаю и я) – именно при *таком* применении принципа это я уже люблю меньше. Но... всё же и эти вещи хороши и очень меня интересуют.

Это второе звучание (= корень) слышится также у Кошки (точнее, слышалось, так как я видел это три года назад) плюс элемент «странности». Это меня интересует (с удовольствием на это смотрю), но не вызывает внутреннего трепета. Для меня тут слишком много обязательного, чересчур аккуратного. Если во мне возникает что-то подобное, я об этом *пишу* (но *сам* никогда не стал бы *рисовать*). Я просто говорю: «У него было белое лицо и чёрные губы». Мне этого достаточно, точнее, для меня тут заложено *больше*. Я всё сильнее чувствую: в каждой работе должно оставаться пустое место, т. е. такое, которое ни к чему не обязывает! Возможно, это и не «вечный» закон, а закон «на завтра». Я не возношусь, с меня довольно и завтрашнего дня. Да-да!

Напишите, прошу, как на Вас действуют мои работы в

«Новом Сецессионе»¹⁹. Я всегда был уверен, что *Вы* поймёте и почувствуете Мюнтер. Вообще на её работы очень мало кто отзывается. Ах они толстокожие! Мне-то хорошо: я умею пробивать шкуру этих животинок. Наши с Вами средства хорошо для этого подходят. Так и задайте как следует жару этим берлинцам! Пусть их колотит и бросает в пот. Конечно же, нам не нужно *намеренно* об этом заботиться. У меня есть друг, который, здороваясь, без всякого умысла так пожимает руку, что невольно охнешь. И он немедля просит прощения. Мы не так хорошо воспитаны.

У меня очень много работы. И не меньше творческих намерений. Где взять время? Я теперь особенно остро чувствую, что всем нам предстоит «жить» ещё не раз. Имею в виду телесно. Этот долгий, долгий путь.

Сердечно жму Вашу руку, мы кланяемся Вам и Вашей жене. Вполне ли поправилась малышка?

Ваш Кандинский

Обложка каталога первой выставки «Синего всадника».
1911–1912

19. Кандинский, Ф. Марк и Г. Мюнтер – Шёнбергу *06 декабря 1911г*

Мюнхен

6.12.1911

Дорогой господин Шёнберг!

Мы трое прочли в «M.N.N.» [Münchener Neuesten Nachrichten (Мюнхенские последние известия)] заметку о Вашем секстете d-moll²⁰ и очень порадовались за Вас и за наше общее дело²¹.

Жмём Вашу руку и горячий привет супруге,

Кандинский

Пишите же ещё!!

[рукой Марка] На Новый год мы с женой будем в Берлине, и я был бы рад с Вами повидаться. Обязательно извещу Вас заранее.

Сердечно, Ф. Марк

[рукой Мюнтер]

Места почти не осталось, и мне остается только присоединиться к общему привету.

Мюнтер

20. Шёнберг – Кандинскому

14 декабря 1911г

Берлин-Целендорф

14.12.1911

Дорогой господин Кандинский,

я ещё не дочитал Вашу книгу²², прочел две трети. Но уже сейчас могу сказать, что она мне чрезвычайно нравится. Очень во многом Вы правы. Особенно в том, что Вы пишете о цвете в сравнении с музыкальным тембром. Это совпадает с моим ощущением. Меня чрезвычайно интересует Ваша теория форм. Весьма любопытна глава «Теория». В некоторых мелочах я не вполне с Вами согласен. И прежде всего с Вашим намерением, если я правильно его понял, создать строгую теорию. Думаю, что сейчас в этом нет необходимости. Мы ищем и продолжаем искать (как Вы сами говорите) с помощью чувства. Так не будем же этим чувством жертвовать ради теории!

Теперь хочу сказать о Ваших картинах. Итак: они мне необычайно понравились. Я пошёл туда сразу по получении Вашего письма. Больше всего мне понравился «романтический пейзаж». Остальные работы размещены не очень удачно. Кое с чем я не могу примириться: с форматом, с размером. На это у меня есть также одно теоретическое возраже-

ние: поскольку речь идёт только о пропорциях, к примеру

чёрный 24: белый 120
на красный 12: жёлтый 84,

то это соотношение не может зависеть от формата, поскольку я могу определённо утверждать то же самое после сокращения, скажем, на 12:

чёрный 2: белый 10
на красный 1: жёлтый 7.

Я полагаю, что в «сокращённом» виде это уравнение воспринимается легче.

Практически это означает, что я воспринимаю эти веса хуже, поскольку они во многом ускользают из моего поля зрения. (А некоторые исчезают полностью.) Мне нужно отойти подальше, *и тогда, естественно, картина уменьшается, а самое это уравнение предстает в «сокращённом» виде.*

Возможно, потому-то очень большие картины произвели на меня не столь сильное впечатление, что я не смог воспринять их целиком.

KANDINSKY

**ÜBER
DAS GEISTIGE
IN DER KUNST**

DRITTE AUFLAGE

Обложка книги Кандинского «О духовном в искусстве».
1911

Теперь о работах г-жи Мюнтер. Хотя я и не сразу о них вспомнил, я заметил их первыми, как только вошёл в зал: они в высшей степени своеобразны в своей живительной простоте. Воплощение естественности. Суровая нота, их отличительная черта, скрывает в себе доброту и любовь. Я получил истинное наслаждение.

Картины господина Марка мне тоже очень понравились. Что за мягкость в этом «великане»! Сначала я был буквально поражен, но очень скоро смог свести её воедино с тем впечатлением, которое Марк на меня производит. В целом очень приятно. В остальном на выставке мне мало что понравилось. Больше всего г. Нольде²³, с которым я вскоре познакомился, хотя как личность он мне понравился гораздо меньше. Затем пражанин Кубишта²⁴. Всё время играет, но каковы талант и смелость!! Что до берлинцев, то они везде преуспели. Особенно в том, что «сверхсовременно». Я сразу же догадался, что автор «купающихся женщин» – какой-нибудь француз. И действительно вы найдёте в зале 5 или 6 таких работ. В точности как у Сезанна. Но хотел бы я знать, какой француз послужил образцом для многочисленных «циркачей»?!²⁵

Очень жаль, что мои картины Вам не приглянулись. Вам прислали ещё не все самые значимые вещи. Хотя по большей части именно такие.

Теперь о «Синем всаднике». Думаю, что всё же смогу дать Вам что-нибудь из моих музыкальных сочинений для печати. Какой объём допустим? Три-четыре страницы? Или меньше? Напишите не откладывая! Правда, я ещё ничего для Вас не написал. Лекции в консерватории Штерна занимают все мои мысли. Но надеюсь всё же успеть!

И ещё:

Я обещал послать свои картины на выставку в Будапеште. Мне отвели целый зал для 24 работ.

Я не помню, какие из них у Вас. Сообщите мне, пожалуйста. И не могли бы Вы послать их прямым в Будапешт? Те, что я перечислю (посылать нужно наложенным платежом!). А остальные – мне. Я не буду выставлять портреты и ничего подобного, но только то, что я называю «Впечатления» и «Фантазии». Насколько я помню, у Вас 8 работ, но среди них должны быть и портреты (упражнения для пальцев, гаммы). Пожалуйста, напишите мне обо всём, не откладывая. И могу ли я просить Вас о любезности – сразу же отправить мне эти картины, когда я Вам напишу?

Я порекомендовал художнику Гютерсло²⁶ познакомиться с Вами.

Адольф Лоз²⁷, крупнейший архитектор, написал Вам письмо – тоже по моему совету. И тоже насчёт Кокошки! Вы с ним о чем-то договорились?

Надеюсь, что Вам легче читать мои письма, чем мне Ва-

ши²⁸.

Я послал Вам своё «Учение о гармонии»²⁹. Вы удивитесь, когда узнаете, как много в нём полного сходства с тем, что говорили Вы.

Сегодня я наконец пошлю Вам свою картину.

Передайте мой самый горячий привет г-же Мюнтер. Я вскоре напишу ей отдельно. Также напишу г-ну Марку и остальным, кого нашёл на Вашей карте.

Сердечный привет, с искренней дружбой,

Ваш Арнольд Шёнберг

21. Кандинский – Шёнбергу 15 декабря 1911г

Мюнхен

15.12.1911

Дорогой господин Шёнберг,

большое спасибо за Вашу картину, Вашу книгу и Ваше письмо. Всё это меня *чрезвычайно* обрадовало. Об этом хочу сказать сразу же. Я сейчас очень утомлен, но просто не могу отложить письмо до завтра. Из Ваших картин я хотел бы выставить следующие (выставка открывается во вторник, 19-го): «Автопортрет», «Дама в розовом» (возможно, «Пейзаж») и 2–3 «Видения», эти вещи производят на всех сильное впечатление, – а также и на меня (хотя *люблю* я «реалистические»). Наша выставка становится *весьма* интересной, она демонстрирует многообразие форм. После Будапешта я, конечно, займусь этим *весьма* охотно. Об остальном позже! Сердечный привет от нас обоих Вам и Вашей жене,

Ваш Кандинский

22. Кандинский – Шёнбергу *12 декабря 1911г*

Мюнхен

16.12.1911

Дорогой господин Шёнберг,

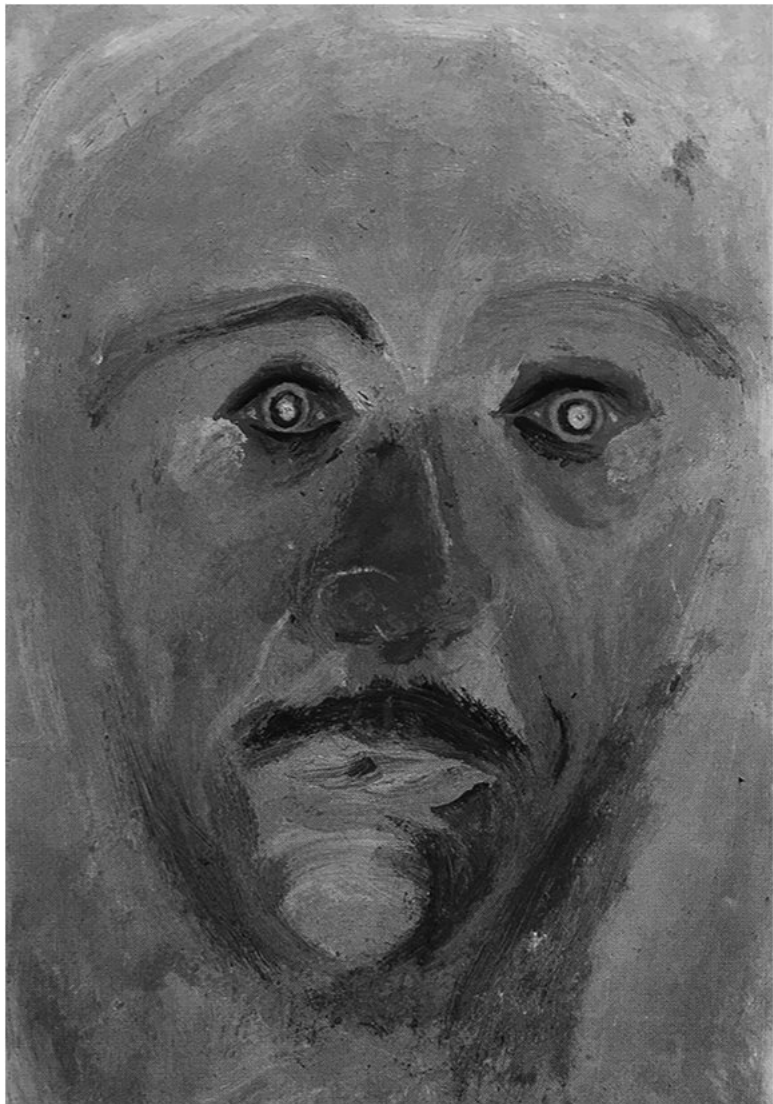
сообщите, пожалуйста, ваши цены, и как можно *быстрее*.

Мы отказались от каталога в привычном виде: нет времени.

Будут обычные машинописные листы. Плюс рекламные проспекты.

Серд. привет!

Ваш Кандинский

Арнольд Шёнберг. Видение. 1910. Из цикла живописных работ под названием «Видения»

Справа внизу подпись и дата: *Arnold Schönberg 16/III 1910.*

Слева внизу – посвящение Леопольду Стоковскому (1944, на англ. яз.)

23. Кандинский – Шёнбергу

20 декабря 1911г

Мюнхен

20.12.1911

Дорогой господин Шёнберг,

большое спасибо за письмо и особенно – за обещанную музыку. Хорошо бы уложиться в 4 страницы. Но, ра зуме ется, жёстких границ быть не может. Ваши картины у меня под присмотром: 4 уже висят на первой выставке «Синего всадника»: «Автопортрет», «Пейзаж» и 2 «Видения». Если хотите, я вышлю их Вам почтой 30.XII. Но если можно, оставьте их у нас: мы хотим предпринять турне. Вы не прогадаете. Выставка – ff [fortissimo]! Впечатление огромное... За два дня пять продаж. С такой быстротой! Серд. привет, от г-жи Мюнтер тоже,

Ваш Кандинский

P. S. Я по-прежнему *тону* в делах.

1912

24. Шёнберг – Кандинскому
12 января 1912 г

Берлин-Целендорф

12.01.1912

Дорогой господин Кандинский,

давно не получал от Вас никаких вестей, но хотелось бы узнать, удалось ли Вам в срок отправить мои картины в Будапешт. И какая на них реакция? Критика и т. д. И наконец: как поживает «Синий всадник»? К какому времени я должен прислать моё музыкальное приложение? Что Вы скажете насчёт моего «Учения о гармонии»? Я пока ни слова о нём от Вас не слышал! Надеюсь всё же, что книга до Вас дошла? Я выслал её Вам сразу по получении, аккурат когда заболел гриппом.

Передайте от меня сердечный привет г-же Мюнтер. Когда Вы собираетесь в Берлин? 28/1 здесь должен (??) состояться мой вечер (???).

Сердечный привет,

Ваш Арнольд Шёнберг

25. Кандинский – Шёнбергу

13 января 1912г

Мюнхен

13.01.1912

Дорогой господин Шёнберг,

поверьте, я остро чувствую свою вину. Но это не моя халатность! Перечислю кратко, чем я сейчас занят: 1) «Синий всадник», т. е. написание статей, чтение, правка и т. д.; 2) обустройство первой выставки «С. В.»; 3) подготовка второй выставки «С. В.»; 4) приглашение на московскую выставку немцев, французов, швейцарцев (у меня неограниченные полномочия, и значит неограниченная ответственность)³⁰; 5) помощь в покупке и продаже картин, мне незнакомых, отсюда нескончаемость этой работы; 6) непрерывная, всегда спешная, часто сложная, зачастую крайне тягостная работа с письмами: чтение и написание (бывает, что письма приходят с каждой почтой, пять раз на дню, в иные дни приходит по 20 писем, и ни одного дня без писем); 7) некоторые ответы ещё за мной; 8) я совершенно забросил живопись; 9) *мои собственные* дела в небрежении. За последние две недели я написал более 80 писем, моя единственная надежда на то, что ситуация изменится, когда «Син. вс.» будет наконец напечатан и выставки устроены. Меня сейчас мучают

две картины, которые я хочу написать, одна уже мысленно готова, ко второй ещё надо подступиться. Итак, не сердитесь на меня! Вы ведь тоже не всегда отвечаете на мои вопросы. Я уже довольно давно спросил у Вас о ценах на Ваши картины и можем ли мы оставить у себя некоторые из них для выставки «С. В.». В Будапешт я давно выслал всё за некоторыми исключениями: 1) у нас были выставлены «Автопортрет», 2 «Видения», 2) портрет «Дама в розовом» – Вы не хотели, чтобы мы его отсылали, он сейчас у меня. Из группы 1 я, следуя Вашему желанию, исключил «Пейзаж (он сейчас у Танхаузера³¹); остальные 3 работы уехали вместе с нашей выставкой в Кёльн, и есть твёрдое намерение отправить их в дальнейшее путешествие. Эти три вещи пользуются у нас большим успехом. И кто только Вам сказал, что мне не понравились Ваши картины? Мне лишь неясны истоки «Видений», и я был бы счастлив *поскорее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.